

Атакулова М.А.

О КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА ПО ЧАСТЯМ РЕЧИ

УДК: 809.43

Классификация словарного состава языка по частям речи на протяжении длительного времени была и все еще остается одной из центральных проблем научной грамматики. Грамматические разряды слов, обычно называемые частями речи и изучаемые преимущественно в морфологии, установлены и описаны в грамматиках всех без исключения языков.

Своими корнями учение о частях речи уходит в античность. Ученые Александрийской школы установили для древнегреческого языка восемь частей речи. Например, Дионисий Фракийец (ок. 170-90 г. до н.э.) различает имя, глагол, причастие, член (артикл), местоимение, предлог, наречие и союз. Римские языковеды усвоили учение греков, заменив только артикл, которого не было в латинском языке, междометием.

Учение о восьми частях речи было представлено и в первых грамматиках церковнославянского и русского языков. Например, в «Российской грамматике» М.В.Ломоносова тоже находим те же восемь частей речи, что было в латыни. Еще в XIX веке в русских грамматиках намечается отход от античной схемы. В частности, А.Х.Востоков причастие как часть речи заменяет именем прилагательным. Далее Г.П.Павский и Ф.И.Буслаев вводят в систему частей речи имя числительное. А в XX веке в составе частей речи укрепляются частицы. В результате эта система приобретает хорошо знакомую нам десятичленную структуру.

Схема частей речи русского языка по понятным причинам послужила образцом для создания морфологии языков, находящихся в сфере влияния русского языка. Поэтому частеречная классификация слов этих языков во многом была и остается идентичной. Греческая модель морфологии не всегда и не везде является эталоном разбивки слов на классы. Вопрос о частях речи, несмотря на длительную историю, до сих пор не может считаться решенным - ни в смысле их состава, ни в отношении самих принципов классификации. Ф.Ф.Фортунатов имел все основания заявить, что «то деление на части речи, которое принято в наших грамматиках (и перешло к нам от древних языковедов), представляет смешение грамматических классов слов с неграмматическими их классами и потому не может иметь значения».

Известно, что традиционная классификация, применяемая в грамматиках славянских, тюркских, кавказских и других языков и

восходящая, с незначительными уточнениями и дополнениями, к античным грамматическим теориям, различает следующие части речи: 1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) местоимение; 4) имя числительное; 5) глагол; 6) наречие; 7) предлог или послелог; 8) союз; 9) междометие; 10) артикл (в тех языках, которые имеют его). Из этих частей речи одни являются изменяемыми, другие – неизменяемыми. Признак изменяемости/неизменяемости не одинаково «работает» в разных языках и не присущ той или иной части речи как таковой. Например, прилагательное в английском, киргизском и финском языках неизменяемо, а в немецком и русском языках изменяемо.

Трудно говорить об изменяемых классах слов в языках изолирующего строя, в которых почти отсутствует словоизменение. Есть исследования языковедов-синологов, в которых доказывается отсутствие частей речи в китайском языке (Гао Мин-кай, Ли Цзинь-Си, Добсон и др.). Это понятно, поскольку каждое слово в китайском языке может выступать в роли любой части речи. По мнению сторонников такого подхода, в китайском языке отсутствуют классы слов, характеризующиеся специфическими морфологическими свойствами. Гао Мин-кай в то же время выделяет в китайском языке местоимения и ряд классов слов, которые он рассматривает как служебные (в том числе числительные и слова с модальными значениями). Однако С.Е.Яхонтов находит основания для выделения следующих классов или разрядов слов в этом языке: 1) имена лица (включающие в себя и личные местоимения), образующие формы множественного числа; 2) имена существительные, наречия и модальные глаголы, не имеющие форм изменения; 3) числительные и указательные местоимения, способные сочетаться с классификаторами и 4) глаголы и прилагательные и их подклассы, образуемые по способности сочетаться с видо-временными суффиксами. Ясно, что в китайском языке **местоимение не выделяется и не обособляется как класс слов**. Однако можно считать, что действительная функция является общим и универсальным свойством местоимений языка вообще. Поэтому местоимение есть в этом языке, только морфологически оно не дифференцируется и не отличается от других классов слов.

Другим критерием разделения слов на части речи является признак знаменательности/

незнаменательности. В соответствии с этим критерием одни части речи являются знаменательными, полнозначными, другие – служебными (предлоги, послелоги, союзы, артикли). Различие между этими двумя классами слов имеет принципиальное значение для теории. Служебные слова приближаются к морфемам, выполняя по преимуществу связующие функции, не имея прямой соотнесенности с денотатами и обладая ослабленным вещественным значением.

О близости служебных частей речи и морфем писали многие языковеды. Служебные слова (предлоги, союзы, частицы и связи) В.В.Виноградов называет «частицами речи», а знаменательные – «частями речи». В «частицах речи» вещественное содержание и грамматические функции совпадают. Их лексические значения тождественны с грамматическими. Эти слова лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем. Этот ученый, противопоставляя знаменательные слова («части речи») служебным («частицам речи»), отмечает у последних близость к морфемам. Этим затрагивается очень существенный аспект различия двух основных типов слов. Об отношении служебных слов с морфемами и их близости писали не только В.В.Виноградов, но и другие ученые (Ф.И.Буслаев, А.А.Потебня, Е.Курилович и др.).

В системе частей речи дискуссионным был и остается **вопрос о положении местоимений и числительных**. Ф.И.Буслаев относил местоимения к служебным словам на том основании, что они означают «отвлеченные понятия и отношения лица говорящего к слушающему и к предмету речи», вместе с предлогами и союзами. Против такого мнения возражал А.А.Потебня, утверждая, что «не всякая отвлеченность есть формальность». «Местоимения, кроме некоторых случаев, означают не отношения и связи, а явления и восприятия, но обозначают их не посредством признака, взятого из круга самих восприятий, а посредством отношения к говорящему, т.е. указательно».

Состав частей речи в разных грамматических расчетах колеблется, пополняясь «новыми», нетрадиционными, т.е. «нешкольными». Нередко тут воскрешаются идеи грамматистов XIX века. Известно, что в морфологии русского языка, например, существует тенденция к увеличению количества частей речи за счет инфинитива, причастия и деепричастия. Ряд русских грамматистов признает частеречный статус инфинитива (В.Г.Белинский, К.С.Аксаков, Н.Н.Дурнова и др.), причастия и деепричастия (Д.И.Овсяннико-Куликовский, Н.М.Шанский, А.Н.Тихонов, В.В.Бабайцева, Л.Д.Чеснокова и т.д.). Есть грамматисты, которые считают причастия

отглагольными прилагательными, а деепричастия – отглагольными наречиями (Н.И.Греч, А.Х.Востоков, В.Г.Белинский, К.С.Аксаков, Н.Т.Некрасов и т.д.). Такое понимание частей речи предполагает признание **признаков вида, залога, переходности/ непереходности как межчастеречных явлений, свойственных не только собственно глаголу, но и другим частям речи**.

Спорными являются также основания для выделения модальных слов и слов категории состояния, выделенные В.В.Виноградовым и отстаиваемые представителями его школы. Иного взгляда придерживаются И.И.Мещанинов, В.М.Жирмунский, А.Б.Шапиро и другие грамматисты.

В алтайских и «палеоазиатских» языках существует особый класс образных слов. Их называют еще имитативами или мимемами. По отношению к мимемам отмечается три подхода. Их относят к глаголу как его особый разряд, к междометиям или рассматривают как особую часть речи. В тюркологии, например, образные слова рассматриваются как особая часть речи (Л.Н.Харитонов, А.Н.Кононов, Н.А.Баскаков, Б.М.Юнусалиев, С.Кудайбергенов, А.И.Исхаков, М.Кудайкулиев, Р.К.Кунгуров и др.) или относятся к междометиям (В.В.Решетов, А.А.Азизов, М.М.Мирзаев и др.).

Отсутствие единого взгляда на классификацию слов по частям речи объясняется тем, что грамматисты руководствуются совершенно **различными принципами**. При делении слов на части речи ученые принимают во внимание один какой-нибудь принцип или учитывают одновременно два и более принципов. Во втором случае выделение частей речи как реально существующих в языке классов слов осуществляется с помощью совокупности взаимодополняющих признаков, частично между собой перекрещивающихся. Этим и объясняется живучесть и долговечность традиционной (так называемой «школьной») классификации, в основном соответствующей реальной действительности разнообразия и многомерности соотношения слов в языке.

Строгий учет одного критерия нередко приводит к различного рода противоречиям, при всей своей логической безупречности. Например, определение частей речи как морфологических (или формальных) классов слов предполагает их разбивку по признаку изменяемости/ неизменяемости (Варро, Шредер, Штейнталь, Шлейхер, Фортунатов и др.). Изменяемые слова русского языка могут быть разделены на склоняемые и несклоняемые (Ф.Ф.Фортунатов, Д.Н.Ушаков, М.Н.Петерсон и др.). При таком подходе как несклоняемые в один класс объединяются

несклоняемые существительные, инфинитив, наречия, деепричастия, предлоги, союзы и междометия, по признаку «изменения в роде, но без склонения» в один класс включаются краткие формы прилагательных (*рад, рада*) и формы прошедшего времени глагола (*смеялась, смеялся*) и т.д.

Логически безупречная грамматическая классификация не смогла вытеснить традиционную, поскольку она не учитывает **комплекса факторов** (семантических, денотативных, лексико-грамматических и других), обеспечивающих естественно устоявшиеся пропорции и деление, существующие в реальной системе словарного состава языка.

При делении слов как **лексико-семантических классов** основное внимание уделяется общим семантическим признакам слов. Как отмечает В.М.Жирмунский, все основные (знаменательные) части речи имеют типичные значения: существительное обозначает предмет, прилагательное – свойство предмета, глагол – действие предмета, наречие – признак признака. Этот исследователь **к основным частям речи не относит числительные и местоимения**. Предметное содержание основных слов языка, соотношенное с объективной действительностью, «вне грамматического оформления не определяет еще принадлежности слова к той или иной части речи». В качестве грамматических признаков частей речи Жирмунский называет а) формы словообразования; б) способы словоизменения; в) функции управления, согласования и примыкания в составе словосочетания и предложения. Эти свойства частей речи, по мысли ученого, носят универсальный характер, относятся не только к названным основным (знаменательным) частям речи, «но и к полупормальным – местоимениям (заменителям имен) и числительным (счетным словам), к чисто формальным связочным словам (типа предлогов и союзов) и к «эмоциональным сигналам» (типа междометий)». Как видим, в системе частей речи, предложенной Жирмунским, **местоимение отнесено к неосновным (незнаменательным) частям речи**, наряду с числительными и служебными словами.

Противопоставление знаменательных (или полнозначных) слов незнаменательным (неполнозначным) характерно частеречной концепции и Н.М.Александрова. Этот германист на материале целого ряда языков, исходя из коммуникативно-функциональной роли слов в предложении, к первой группе слов относит имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия и модальные слова. В отличие от них в языке существуют вспомогательные слова – местоимения, числительные, частицы и сочинительные союзы, а также функционально несамостоя-

тельные слова – предлоги, подчинительные союзы и артикли.

По мнению О.П.Суника, основными частями речи в языке являются существительное, глагол, прилагательное и наречие. Их общеграмматическими значениями, терминами и определениями являются «предмет» (или «предметность», «субстантивность»), «процесс» (или «действие», «процессуальность»), «атрибут» (или «признак», «атрибутивность»). Их называют грамматисты по-разному – семантические значения, лексико-семантические значения, грамматикализованные или грамматические значения, общеграмматические значения и т.д. При этом О.П.Суник считает, что «с лингвистической точки зрения, все, что выражено в речи несубстантивно, является «атрибутом» (в широком и особом лингвистическом смысле слова). Любое отдельное полнозначное слово, которое не имеет значения «предметности», но обладает значением «призначности», входит в расчлененный класс атрибутивных слов. В зависимости от характера признака атрибутивные слова делятся на три класса. Слова, со значением действенного (или процессуального) признака в грамматике называются глаголом (собственно глагол, причастие, деепричастие, инфинитив и т.п.). Атрибутивные слова, не обладающие значением действенного признака, но обладающие значением признака статического, делятся на классы, именуемые в грамматике прилагательными (статический, непроцессуальный признак предметных слов) и наречиями (статический признак атрибутивных слов – из класса глагола, прилагательного и наречия). В данном утверждении ученого демонстрируется мысль о необходимости различения знаменательных и незнаменательных слов и о неоднородности знаменательных классов слов языка. Знаменательные слова противопоставлены всем незнаменательным. Знаменательные делятся на субстантивные (существительное) и атрибутивные, атрибутивные – на процессуально-атрибутивные (глагол) и статично-атрибутивные, статично-атрибутивные – на предметно-атрибутивные (прилагательное) и атрибутивно-атрибутивные (наречие). Суник **рассредоточивает местоимения по разным частям речи, не признавая их частеречного статуса**. Конечно, такое деление имеет некоторые основания. Однако многообразие слов вряд ли может быть адекватно описано в пределах этой двучленной простой схемы.

Во всех грамматиках тюркских языков, в том числе в киргизском, выделяется **класс местоимений**. В них различаются те же разряды местоимений, что и в русском, только за исключением притяжательных местоимений. В

тюркских языках подкласс притяжательных прономинативов не представлен. Аналогическую функцию выполняют формы **генитива личных местоимений**. Что касается статуса местоимения, то оно определяется как знаменательная часть речи и рассматривается наряду с именами существительными, прилагательными и другими частями речи. Однако встречаются особые подходы к определению его места в системе частей речи. Так, например, Н.А.Баскаков различает две группы знаменательных частей речи – имя и глагол, каждая из которых имеет лексико-грамматические разряды, получившие в процессе дифференциации свои характерные признаки. Имя подразделяется на классы: а) предметно-качественные (существительное и прилагательное); б) предметно-количественные (числительное); в) предметно-подражательные (междометия и мимемы) и г) предметно-отвлеченные (местоимения), глагол – на классы: а) действия и состояния – качественные; б) количественные; в) подражательные; г) местоименные. При этом каждый класс имени имеет внутреннее деление на субстантивные и атрибутивные формы. Например, предметно-отвлеченные (предметно-местоименные) имена подразделяются на субстантивные (*мен/Бен /мин/ ман* «я», *сен/син/сан* «ты», *меники* «то, что принадлежит мне», *ким?* «кто?» и др.) и атрибутивные (*бу/бул* «это», *шу/шол/сол/ошол* «это самое», *мендей* «как я» и др.).

Мы не разделяем точки зрения Н.А.Баскакова, отмечающего наличие в тюркских языках притяжательных местоимений. То, что он называет притяжательным местоимением (*менин* «мой», *сенин* «твой», *анын* «его, ее» и др), является членом словоизменительной парадигмы, т.е. формой генитива личных местоимений (см. V гл. настоящей работы).

Среди глаголов он обнаруживает субстантивно-глагольные (*сендөө, сендемек* «говорить на ты», *сенчилеп* «поступать как ты», *менменсинүү* «проявлять высокомерие», *кимчилеп* «поступать как кто-то» и др.) и атрибутивно-глагольные (*канте/кантип* «как, каким образом», *ошенте/ошентип* «поступать как тот (та); так, таким образом», *анте/антип* «поступать как он (она)» и др.). Важно отметить, что именно Н.А.Баскаков называет последние термином «местоглагольные слова» сначала в кавычках, а потом без них. В литературе встречаются и термины «местоименные глаголы» и «местоглаголия».

По мнению монголоведа Т.А.Бертагаева, логично деление слов языка на 1) аффектные и 2) идеосемантические. К аффектным относятся междометия, передающие чувства и переживания. А идеосемантические слова, являющиеся наименованиями предметов, явлений и идей,

распадаются на а) лексико-семантические и б) грамматические. К лексико-семантическим классам слов относятся знаменательные части речи, а к грамматическим – служебные. Знаменательные части речи распадаются на две категории – имена, включающие в себя существительное, прилагательное и наречие, и глаголы, выделяющие внутри себя собственно глаголы, причастия и деепричастия. Имена и глаголы являются инвариантными категориями.

Беглый обзор мнений отдельных грамматистов о классах и разрядах слов в языке позволяет сделать вывод о том, что **сущность местоимений в целом определяется учеными по-разному**. Это объясняется не только тем, что они имеют своеобразную семантику и сложное грамматическое строение, но и тем, что к классификации частей речи в языках различных типов применяются совершенно разные принципы. Даже в тексте одного и того же учебника по морфологии авторы, считая лексико-грамматический принцип основным, не приводят его последовательно при разбиении и характеристике слов по частям речи. Например, класс существительных выделяется на морфологическом принципе, класс прилагательных – на морфолого-синтаксическом, местоимения – на семантическом, глагол – на формообразовательном и т.д. Как отмечают критики такого подхода, в этом учебнике части речи получили несогласованные и неадекватные определения.

В принципе невозможно создать идеальную классификацию слов по частям речи. Даже «классы слов, установленные традиционной (так называемой «школьной») классификацией частей речи, в основном соответствуют реальной действительности... и могут служить достаточно твердой отправной точкой для дальнейшего изучения этой проблемы». Традиционное деление слов на части речи строится на комплексе принципов, а не на отдельном каком-нибудь классификационном принципе.

В теоретических курсах морфологии для вузов недостаточно пространно охарактеризовать распространенные принципы классификации частей речи – лексико-грамматический, формально-морфологический и синтаксический, а необходимо, хотя бы обзорно и в общих чертах, остановиться на других известных принципах такой классификации – функционально-семантическом, логическом, функционально-типологическом, грамматическом, семантико-синтаксическом, позиционно-синтаксическом, морфолого-семантическом, лексико-семантическом, вероятностно-статистическом и т.д. (Б.А.Серебряников, А.А.Реформатский, В.М.Солнцев, А.Е.Супрун, О.М.Ким, Ю.В.Скрёбнев, А.Е.Михневич, Л.Т.Яцкевич и др.). Это важно для

подготовки специалистов и магистров по теории морфологии языка, а не для подготовки, скажем, бакалавров.

Приведенные выше теоретические сведения свидетельствуют о том, что частеречная классификация слов является важнейшим способом описания морфологии языка. Однако при разбиении слов на классы грамматисты руководствуются различными критериями и принципами, что и привело к созданию различных моделей морфологии. Классическое деление слов на части речи, восходящее к античным грамматикам, комплексно учитывает их свойства и классифицирует слова, принимая во внимание одновременно семантику, словообразование, морфологические категории и синтаксические свойства.

Этим и объясняется устойчивость каркаса морфологии, предназначенной для средней школы.

Литература:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - 447 с.
2. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. - М.: Просвещение, 1976. - 207 с.
3. Грамматика русского языка: Фонетика и морфология. Том I. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 719 с.
4. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. - М.: Наука, 1969. - 308 с.
5. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. - М.: Наука, 1988. - 151 с.
6. Шведова Н.Ю. Местоимения и смысл. - М., 1999. - 340 с.